

еся от классической (п178) сильной отодвинутостью настроек реализаций оттенков этих фонем.

Настройки твёрдорядных долганских фонем [a:], [ɤ:], [ɛ:], [u:] отличает выдвинутая вперед артикуляция, особенно у гласного ы, который сменил центрально-рядную настройку на переднерядную отодвинутую. Таким образом, прослеживается тенденция к деполяризации характеристик долганских гласных по параметрам артикуляторного ряда. Функционально твёрдорядные гласные реализуются, как правило, не в заднерядных, а в более передних центральнозадних или центральных настройках. Вместе с тем в подсистеме мягкорядного вокализма происходит обратный процесс передвижения гласных назад – процесс вытеснения переднерядных гласных центральнорядными настройками. Отодвинутость переднерядных фонем [i:] на фоне сильной выдвинутости артикуляций оттенков центральнорядной фонемы [ɤ:] и почти одинаковая степень раствора рта (вторая ступень снижения) при их продуцировании адекватно воспринимается долганами, но осложняет восприятие для представителей иной языковой традиции с перцептивной базой, ориентированной на вокализм, более поляризованный по артикуляционному ряду.

Для всех твёрдорядных гласных характерно, видимо, в связи с продвинутостью вперед настройки обра-

зование медиального прогиба по всей спинке языка. Обычно прогиб на межзубной и задней спинке языка свойствен гласным переднерядной настройки, но в артикуляционных настройках гласных долганского языка прогиб констатируется, как видно из рентгенограмм, и при центральнорядной настройке.

Артикуляторная рядность гласных соотносится с сингармонической: мягкий ряд представлен переднерядными умеренно отодвинутыми гласными [i:], [y:], [ɛ:], [œ]. твёрдый ряд – центральнорядными слабовыдвинутыми вперед [u:], [ɤ:] либо центральнозаднерядными, выдвинутыми сильно, но не предельно [ɛ:], [a:].

По ширине раствора рта артикуляторные настройки долганских гласных характеризуются как узкие [ɤ:], [i:], [u:], [y:] и широкие [a:], [ɛ:], [ɛ:], [œ].

Опозиция гласных по неогубленности-огубленности релевантна для долганского консонантизма: фонемы [a], [a:], [ɤ], [ɤ:], [ɛ], [œ:], [i], [i:] являются неогубленными, фонемы [ɛ], [ɛ:], [u], [u:], [y], [y:], [œ], [œ:] – огубленными.

Экспериментальный материал свидетельствует о наличии сильно выраженной круглощелевой лабиализации при артикулировании узких гласных у [u] и ү [y], умеренно выраженной круглощелевой лабиализации при продуцировании гласного о [ɛ] и плоскощелевой лабиализации при продуцировании гласного õ [œ], стремящейся к делабиализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев П.С. Фонетические особенности говора верхоянских якутов // Тр. [Якутского] ИЯЛИ. Якутск, 1961. 3(8).
2. Бельтюкова Н.П. Артикуляционная база долганского языка и её типологические особенности. Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языковых культур. Новосибирск, 1995.
3. Бельтюкова Н.П. Das Konsonantensystem der dolganischen Sprache (nach experimentellen Angaben) // Proceedings XI-th JChPhS. Tallin, 1987. Vol. 5.
4. Касаткин Л.И. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1979.
5. Кошечерова Т.М. Долганские твёрдорядные долгие гласные по данным рентгенограмм // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980.
6. Кошечерова Т.М. Артикуляционные настройки мягкорядных долгих гласных долганского языка // Экспериментально-фонетическое исследование сибирских языков. Новосибирск, 1981.
7. Надеждин В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986.
8. Надеждин В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1989.
9. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Статья представлена кафедрой немецкого языка факультета иностранных языков Томского государственного университета, поступила в секцию «Иностранные языки» научной редакции «Филология» 15 марта 2004 г.

УДК 003

Л.П. Дронова

ПОИСКИ ОПТИМИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Становление антропологической лингвистики актуализировало проблему соотношения синхронии и диахронии при рассмотрении фактов языка. Сравнительное исследование «прошлого» (исторического, этимологического) и «настоящего» в языке помогает понять внутреннюю логику, мотивы, причины и пути языковой концептуализации

Семантическая деривация (производность) – важнейшая составляющая процесса номинации – основана на человеческой способности соизмерять, ассоциировать разные предметы, явления, категории в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений. Традиция изучения взаимосвязи внутренних психологических механизмов и языкового отображения действительности существовала еще задолго до выделения специальных наук – лингвopsихологии, когнитологии.

Выдающийся русский лингвист А.А. Потебня, отталкиваясь от теоретических построений В. Гумбольдта о «внутренней форме языка» и ее связи с «языкотворческой силой народа», разрабатывает оригинальную теорию «внутренней формы», отводя важное место тому психологическому механизму, который лежит в основе

сохранения ядра внутренней формы слова в сознании говорящего. Такое понимание внутренней формы явно перекликается с современной теорией семантических прототипов, возникшей в рамках когнитивного подхода и ставшей актуальной в настоящее время.

Основоположником собственно антропоцентрического взгляда на язык является Э. Бенвенист (один из классиков индоевропейской компаративистики), теория субъективности в языке которого сыграла важную роль в формировании когнитивно-семантического направления и способствовала переключению внимания лингвистов с исследования собственно языковой системы на проблему связи высказывания с личностью говорящего и с экстралингвистическим контекстом [1. С. 332–333, 337].

О.Н. Трубачев, оценивая в материалах к XII съезду славистов результаты и перспективы современной сла-

вянской компаративистики, отметил эту давнюю, так сказать, родственность понятия антропоцентричности языка по отношению к теории и практике сравнительно-исторических штудий: «Дескриптивизм, не отягощенный исторической памятью, оперируя “наивной” картиной мира, “вдруг” открывает для себя антропоцентризм в языке <...>. Такое “новаторство” производит несколько странное впечатление, потому что сравнительно-историческое языкознание, этимология, построенная на них реконструкция в общем давно работают с концепцией антропоцентричности древней (в частности) славянской культуры и языковой картины мира <...>. Работать в направлении укрепления взаимосвязей (дескриптивного и сравнительного языкознания. – *И. Д.*) нужно всегда и особенно сейчас, когда излишний ригоризм деления на “строгие” и “нестрогие” дисциплины и методы, на “современные” (*moderne*) и “традиционные” направления, слава богу, ослабевает и теряет актуальность» [2. С. 549].

И действительно, не так давно лингвистика стала активно прорисовывать антропоцентричность устройства своего предмета описания, лингвокогнитивный подход «укрупнил» объект исследования, и уже не кажется невозможным («некорректным», «ненаучным») использовать для объяснения внутрисистемных явлений факты межсистемных отношений (междиалектная и межъязыковая синонимия и антонимия). Это следствие не только дальнейшей разработки теоретических проблем полисемии, синонимии, антонимии, но и результат изменившегося парадигмального подхода: при изучении языковой картины мира важно осознавать, что те знания и представления о мире, которые выявляются на синхронном срезе языка, сформированы в разные периоды его существования. Семантические изменения, эксплицирующие отдельные этапы и направления развития исходной семантики, позволяющие сравнивать «прошрое» и «настоящее» в языке, помогают понять особенности современного семантического и грамматического «поведения».

В отечественной лингвистике значительных успехов в определении регулярности в семантических переходах достигла современная лексическая семантика (Д.Н. Шмелев, Ю.Д. Апресян и его школа), сделавшая немало и в теоретической проработке понятий семантических отношений в лексике. Основной результат работы группы Ю.Д. Апресяна составляют три тома «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». Из-за ориентированности лексической семантики строго на актуальные системные связи в языке идеи и методы ее не получают применения в сравнительной и исторической лексикологии, где имеется богатая эмпирическая база и ощущается необходимость в систематизации и теоретическом осмыслении материала (проблема междиалектной/межъязыковой синонимии, явление лексического и семантического параллелизма, выявление мотивационных моделей и поиск других регулярных межсистемных семантических отношений) [5. С. 550]. Этимологические словари праславянской лексики приводят для каждой описываемой лексемы сводку ее значений, засвидетельствованных во всех славянских языках (в литературном и диалектном вариантах), не ставя своей задачей анализ

этих наборов значений, их структурную, хронологическую, ареальную стратификацию. И, соответственно, идут поиски приемов оптимизации семантической реконструкции.

Так, Ж.Ж. Варбот говорит об эвристичности лексикографической подачи лексемы на фоне морфосемантического поля: такое расширение объясняющей части этимологического словаря, призванного сообщать сведения о языковой ситуации, обусловившей возникновение слова, принципиально важно для читателя-специалиста. При этом морфо-семантическое поле понимается как вся совокупность лексических связей, определяющих возникновение слова; соответственно она включает в себя, помимо генетических (словообразовательно-этимологических) отношений, также отношения омонимии, паронимии, синонимии, антонимии, контекстуальные связи. Этот перечень отношений, которые следовало бы приводить в полексемной словарной статье, нужно считать, по мнению автора, открытым. Преимущество такой подачи лексемы в этимологическом словаре в том, что она, «знакомя специалиста с материалом и аргументацией автора, в то же время открывает возможности для критической оценки авторского решения проблемы и для ее дальнейшего исследования. Перспективность и необходимость в таком расширении словарной статьи прямо связаны со степенью надежности материала, исторической глубины и гипотетичности реконструкций» [6. С. 61].

На новом уровне ставятся задачи диахронической семантики, исторического «портретирования» слова: «Задача семантической реконструкции состоит в том, чтобы объяснить сам факт сочетания этих значений в семантическом поле одной праславянской лексемы, найти мотивировки каждого из них, восстановив те контексты, в которых соответствующее развитие (перенос) значений было бы естественным. Ясно, что с такой задачей может справиться лишь специальное исследование, которое опиралось бы не на голый перечень значений, сформулированных к тому же обычно в самом общем виде, а на подробный анализ контекстов (тем самым и стоящих за ними реальных ситуаций) и особенностей употребления слова в каждом языке» [5. С. 550–551].

Поскольку семантические отношения разворачиваются на всем языковом пространстве, в котором используется данная единица номинации – морфема (с какими бы другими единицами, в том числе словообразовательными, она ни сочеталась), С.М. Толстая привлекает внимание к такому языковому явлению, как наблюдаемый семантический параллелизм между целыми лексическими (этимологическими) гнездами праславянского лексикона, связанными отношениями как синонимии, так и антонимии [3–5]. Так, взятые для примера глаголы **хонѣти*, **ховати*, **прѣтати* (в части значений им соответствует также глагол **гребѣти*) демонстрируют специфику сравнения семантической структуры синонимичных этимологических гнезд: не обязательно коррелятивные в отдельных языках или диалектах, они оказываются семантически соотносительными, когда сравниваются их семантические спектры в целом. Такое сравнение позволило выстроить синонимичный («изосемичный») ряд, где в семантической структуре каждого из трех гнезд сочетаются значения ‘прятать,

скрывать, хранить' и 'хоронить, погребать', в двух гнездах семантика расширяется за счет значений 'кормить, питать', 'беречь, сохранять'). И таким образом представляется картина определенных регулярных системных семантических отношений [5. С. 552–553]. Об устойчивости синонимичных отношений производных лексем различных этимологических гнезд, восходящих к синонимичным основам, свидетельствуют результаты исследований, проведенных на материале нескольких групп славянских синонимичных этимологических гнезд (А.А. Калашников, Н.В. Пятаева, А.П. Шальтютин и др.). Такой подход – сопоставление семантических структур этимолого-словообразовательных гнезд – позволяет «ориентировать» семантическую реконструкцию отдельных лексем: так, при анализе семантического спектра праслав. **χομίτι* ('хранить, охранять, беречь, защищать', 'хранить, скрывать, прятать', 'питаться, кормиться', 'уходить, убираться', 'соблюдать', 'хоронить, предавать земле' и др.) сложно установить связи значений 'кормить' и 'хоронить'. Возможность связи этих значений подтверждает семантика синонимичного гнезда **ховати*.

С другой стороны, это только определенная «горизонтальная» проекция семантических структур гнезд, и она способна подтвердить возможность определенного мотивационного отношения, но не объяснить его или ответить на вопрос, почему оно не возникло в третьем синонимичном гнезде (в нашем случае – у производных **прѣтати*). Семантический потенциал слова может объяснить, верно интерпретировать только корректно реконструированное исходное (производящее) значение. Оно позволяет поставить вопрос о том, стоит ли за этими семантическими отношениями определенная модель семантической деривации или это результат лексической аттракции (ср. чеш. *chovati*, в котором «пересеклись» почти все линии семантического развития в рассматриваемых гнездах: 'скрывать, прятать, таить', 'заботиться, печься', 'держат, разводить (скот, птицу, пчел)', диал. *chovat* 'кормить (например, работников)', 'ходить (за кем-либо), ухаживать', 'хоронить (покойника)' [7. С. 86–87]). Или иначе: каковы причины возникшей синонимизации названных словообразовательно-этимологических гнезд и на каком этапе их формирования, развития началось это сближение? Что является культурно-исторической мотивацией особенностей семантики и употребления данных языковых единиц в синхронии?

Если идти от исходного, этимологического значения, то диахронная семантика рассматриваемых гнезд являет следующую иерархию значений, направления их развития: **ховати* как *'смотреть с вниманием' > 'стеречь, беречь, хранить' > 'прятать, таить', 'беречь, хранить, содержать' > 'кормить', 'беречь, хранить, прятать' > 'хоронить'; **χομίτι* как *'питать, кормить' > 'ухаживать, беречь, хранить' > 'хранить, прятать' > 'хоронить'; **прѣтати*, видимо, как 'оплетать, закрывать, убирать прутьями' > 'убирать, укрывать' > 'прибирать, украшать' > 'обряжать, готовить к погребению' (ср. с реконструируемым исходным значением рус. *опрятный* и диал. арханг. (Подвысоцкий) *пратанье* 'расчистка новин, т.е. сруб леса и выжигание пней', пошех. *прятать* 'убирать сено' [7. С. 78–79, 86–87; 8.

С. 79]. Из сопоставления семантической филиации гнезд видим, что возникшее разными путями в каждом семантическом спектре значение 'прятать, хранить' > 'хоронить' и есть отправная точка сближения. Явно также, что семантический потенциал праслав. **прѣтати* не мог способствовать формированию семантической линии 'хранить, беречь' → 'кормить'.

И далее. Диахроническая оценка в сочетании с учетом ареала реализации той или иной линии семантического развития позволяет пролить дополнительный свет на причины, время формирования семантического параллелизма (ср. у С.М. Толстой: «Вопрос о том, чем объясняется семантический параллелизм <...> в каждом конкретном случае требует специального внимательного рассмотрения с учетом не только семантических, но и ареальных отношений» [5. С. 561]). Так, обращает на себя внимание тот факт, что слав. **χομίτι*, имея значения общеславянского распространения – 'кормить, питать, беречь, хранить, прятать', только в русском и украинском языках реализуется в значении 'хоронить, предавать земле (умершего)' [8. С. 352; но ср. еще слов. диал. *chranba, chramba* 'похороны, погребение']. Этот глагол является производным от имени *хопа* 'пища, питание, корм', которое, как утверждает О.Н. Трубочев (вслед за И. Микколой, В.И. Абаевым), скорее всего, было заимствовано из иранского источника, ср. авест. *χварѣна* 'еда, питье' (подобное семантическое развитие у праслав. **gojiti*) [9. С. 36; 7. С. 77; здесь же обзор других этимологий этого слова]. В.И. Абаев также считает, что из сев.-иран. *хвата-* идет, вероятно, праслав. **choṃa* 'пища, еда', ср. полаб. *chóma* 'пища', *chómet* 'кормить', болг., с.-хорв. *храна* 'пища' и пр. [10. С. 181: «Из конкретного значения 'кормить' развилось в дальнейшем более абстрактные значения 'хотить', 'беречь', 'хранить'»].

Возможно, под влиянием того же северно-иранского (скифо-сарматского) источника произошло и смещение семантики в сторону ритуальной (погребальной): ареал распространения семантического изменения совпадает с территорией субстратного скифского влияния на анто-славян, в связи с чем можно как свидетельство возможности такого влияния привести осет. *хæтæг/хвæтæг* 'поминки, гризна, непосредственно сопровождающие погребение' (< иран. **хватака-* от **хвар-* 'есть'), ср. *хæтпаг* 'пища' от *хæгуп* 'есть'. Причем другое слово – *xist* (причастие от *хупсуп* 'угощать') – применялось не только к гризне в дни погребения, но и к последующим поминальным угощениям, которых в году бывало до десяти (см. [10. С. 180, 203]; об иранском влиянии на праславянский см. [9; 11–13]).

Можно также предположить, что именно на территории непосредственного контакта, знакомства славян с иранской (скифо-сарматской) культурной и языковой традицией сохранилась маркировка ритуальности того вида пищи/угощения, которое обозначалось словом, давшим слав. **хопа*. Допустимо предположить, что это стало причиной отсутствия в древнерусском (и его со-временных продолжениях) этого слова для обозначения (любой) пищи, корма, как это имеет место в остальных славянских языках (В.И. Даль отмечает лишь слово *хорона*, обозначающее действие по глаголу *хоронить* [14. Т. 4. С. 1222]). И это притом, что только на

этой территории – как было сказано выше – *хоронить* развивает значение ‘погребать, хоронить покойника’, а в других славянских языках у его соответствий значение ‘хранить, прятать, беречь’ и ‘кормить(ся), питать(ся)’ [7. С. 78–79].

Этимологическая «подсветка» показывает, насколько семантическая деривация – ее направление, результаты – обусловлена исходной семантикой, реализует ее потенции. И с другой стороны, возникающая мотивированность семантического пространства сло-

вообразовательно-этимологического гнезда – способ верификации самой реконструкции, проверки предполагаемого значения этимона, верности этимологических сближений. Таким образом, сравнительное исследование «прошлого» (исторического, этимологического) и «настоящего» в языке помогает понять внутреннюю логику, мотивы, причины и пути языковой концептуализации. «Сущность культуры такова, что прошлое в ней, в отличие от естественного течения времени, не “уходит в прошлое”, то есть не исчезает» [15. С. 245].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974.
2. Трубачев О.Н. Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 3–25.
3. Толстая С.М. Играть и гулять. семантический параллелизм // Этимология. 1997–1999. М., 2000. С. 164–171.
4. Толстая С.М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 101–111.
5. Толстая С.М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянском языке // Славянское языкознание. XIII. Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 549–563.
6. Варбот Ж.Ж. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Филологические науки. 1995. № 4. С. 60–65.
7. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1981. Вып. 8.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 2.
9. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 3–81.
10. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1989. Т. 4.
11. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.
12. Иванов Вяч.Вс. Славяно-арийские (=индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 17–51.
13. Зоельман Д.И. К происхождению иранско-славянских диахронических параллелей // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 61–103.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб., 1903–1909. Т. 1–4.
15. Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 218–253.

Статья представлена кафедрой общего языкознания филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 2 марта 2004 г.

УДК 003

Г.И. Климовская

ОБ ОДНОМ ИЗ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ (ФЕНОМЕН ВЫДЕЛЕНИЯ)

Статья представляет собой краткий очерк изучения в отечественной и зарубежной филологии и эстетике одного из фундаментальных эстетических принципов – принципа выделения художественно наиболее значимых элементов произведения искусства (в первую очередь художественного текста) на фоне нормально значащих. Именно этот принцип лежит в основе процедур эстетического анализа произведений искусства.

Под эстетическим выделением в данной статье понимается сознательное и художественно значащее, осуществляемое художником в широком смысле слова, в том числе автором литературного произведения с помощью тех или иных способов и приемов, подчеркивание (маркирование) одних, художественно наиболее значимых единиц и элементов художественной структуры произведения искусства – по сравнению с другими, «нормально» значащими и составляющими фон (задний план) для выделенных.

Принцип выделения (или, в другом обозначении, выдвижения) более значимого по сравнению с менее значимым, будучи фундаментальным и универсальным для всей сферы эстетической культуры, тем не менее не нашел еще специального монографического описания и теоретической разработки, тем более методического преломления в процедурах стилистического анализа. Именно поэтому представляется необходимым указать на некоторые выявленные нами факты и этапы в разработке этой фундаментальной эстетической идеи в отечественной и зарубежной науке – хотя бы в хронологических пределах XX в.

Феномен эстетического выделения-выдвижения рассматривается в данной статье применительно к художественному (прозаическому) тексту как специфическому эстетическому объекту. Поэтому возникает необходимость предварительно изложить некоторые исходные понятия и положения той методологической и теоретической «рамки», в пределах которой автор статьи рассматривает сам художественный текст и моменты истории его изучения.

Под художественным текстом понимается литературно-художественное произведение, рассмотренное в аспекте его речевой художественной формы как отдельной и существенной строевой части произведения. Как таковая, речевая художественная форма произведения противопоставляется его «пространству», во-первых, идейно-тематическому (мы имеем в виду художественные идеи) и предметному содержанию, а во-вторых, литературной художественной форме произведения.

Речевая художественная форма литературного произведения, в свою очередь, может быть представлена как уникальная в каждом отдельном случае система результатов реализации автором разного рода приемов,